ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ПАВЕЛ КОРНЕВ
МЕЖСЕЗОНЬЕ

SHOUT
SHARE
IT

- Павел Корнев

Павел Корнев
Аутодафе

Зависший над горизонтом багровый шар вечернего солнца нашел-таки прореху в затянувших край неба облаках и злорадно слепил глаза. Полозья саней весело хрустели свежевыпавшим снегом, а разгулявшийся с приближением сумерек мороз кусал щеки и нос. Еще и ветер колол лицо острыми снежинками.

Но беспокоило не это. Нет – под сердцем с самого утра поселилось какое-то смутное беспокойство, а внизу груди то и дело начинало противно посасывать. И что самое поганое – особых поводов для беспокойства не было. Наоборот, все складывалось очень даже неплохо. Вот и до села мы уже точно успеваем добраться до наступления темноты – не зря спозаранку из Форта выехали. Подсуетились, сунули на лапу знакомому инспектору Гарнизона и не прогадали. Солнце только садиться начало, а ехать километров десять осталось, не больше.

Ну а погода… А что погода? Погода у нас всегда собачья, другой не держим. Холод – ерунда. Главное до темноты домой добраться. Там отогреемся. По такому поводу и баньку затопить можно, и самогона махнуть. А потом – отсыпаться. Благо мы теперь можем себе это позволить.

– Эй, Поля, да расслабься ты! – Яков спрыгнул с саней и побежал рядом, пытаясь согреться. – Мы сделали это, брат, сделали!

– Не кажи гоп, – предупредил я его и настороженно огляделся по сторонам, но узкая, укатанная полозьями саней дорога продолжала оставаться пустынной. Кругом заметенные снегом поля – ни кустов, ни оврагов. Для засады место неподходящее. Вот дальше темнеет небольшой лесок – точно такой, как оставшийся позади, – но, даст Бог, прорвемся. – Еще до села ехать и ехать.

– Да перестань ты скиметь, слушать противно, – скривился мой слишком уж самоуверенный компаньон. – Неужели так сложно поверить, что у нас все получилось?

– Оно все так, только…

– Никаких «только»! – решительно рубанул рукой воздух Яков. – Тебя послушать, так нам надо было рыбу перекупщикам сдать. За бесценок.

– Почему за бесценок?.. – Я начал прикидывать наш навар и замолчал. По самым скромным расчетам выручить за воз мороженого окуня в Форте удалось столько, сколько

наведывавшиеся в село скупщики давали за четыре. И даже если вычесть потраченные на поездку деньги, оставалось очень и очень прилично.

– Да потому! Потому! – расхохотался Яков. – Пока задницу от печи не оторвешь, никто тебе нормально платить не станет. Так и будешь всю жизнь с копейки на копейку перебиваться. А сейчас мы у Пастухова его улов выкупим – и вовсе деньжат неплохо поднимем.

– Подожди! – оборвал я приятеля. – Ты опять, что ли, в Форт собрался?

– Ну, – кивнул Яков. – А чего кота за хвост тянуть? К середине декабря успеем неплохой капиталец сколотить. До лета хватит!

– Может, не стоит судьбу искушать? – засомневался я. – Нечисть…

– Если все по уму делать, везде засветло добираться успевать будем.

– А на бандитов нарвемся?..

– Да какие еще бандиты? Что им здесь делать? Ну не дураки же они в снегу задницы морозить? – фыркнул Яков. – Ты больше перекупщиков слушай. Они тебе не только про бандитов, но и про ледяных ходоков, и про туманников по ушам напинают. Лишь бы им товар сдал, а сам из села – ни ногой!

– И все же?

– Да прорвемся! – Вытащив из болтавшихся на поясе ножен кавалерийскую шашку, Яков несколько раз взмахнул ею в воздухе. – Несмотря на рваный кед, мы сломаем им хребет!

– Твоими бы устами, – вздохнул я и проверил припрятанный под дерюгу обрез ИЖ-5. Особой уверенности в собственных силах, впрочем, от прикосновения к оружию не появилось: укороченная одностволка шестнадцатого калибра худо-бедно отгоняла оголодавших волков, но против обнаглевших в последнее время бандитов ничем помочь не могла.

– Успокойся! – Яков с самодовольной улыбкой спрятал шашку в ножны, запрыгнул в сани и вольготно развалился на лавке. – Все ништяк!

– Да кто спорит? – пожал плечами я и удивленно уставился на вскочившего на ноги компаньона. – Ты чего?

– У, черт! Накаркал! – в голос взвыл тот и, ухватив вожжи, со всей мочи приложил хлыстом тащившую сани лошаденку по крупу. – Пошла!

Едва не вывалившись из саней, я оглянулся и остолбенел: по дороге за нами неслись трое верховых. Выскочившие из лесочка всадники не жалели лошадей, и по всему выходило, что нам от них не уйти. И даже до леса добраться, скорее всего, не

получится. Уж не знаю, сколько бы я так простоял, но отблеск заходящего солнца на обнаженном клинке мигом привел меня в чувство.

– Пошла, пошла! – размахивая хлыстом заорал Яков и, на мгновение обернувшись, рявкнул на меня. – Шмотки выкидывай!

– Может, договоримся? – Перевалив через борт набитый закупленными в Форте товарами мешок, я ухватил следующий тюк. Нет, дурью маюсь – до леса никак не успеваем.

– Свидетелей не оставят… – надсадно просипел мой компаньон, и тут вдруг сани дернулись, да так резко, что меня с тюком в руках бросило на лавку.

– Что за фигня? – сбросив с себя мешок, вскочил я на ноги. Неужели в яму какую угодили?

Все оказалось куда как хуже: обрезавший постромки Яков нахлестывал лошадь, во весь опор несшуюся к спасительному лесу.

– Яша! – во все горло завопил я. – Вернись! Вернись, сука!

Ничего эти крики конечно же не изменили. Моментально понявший, что саням от бандитов не уйти, и оставивший меня на произвол судьбы Яков даже не обернулся. Ладно, мы еще повоюем. В запале я сунул руку под дерюгу и вновь выматерился, когда не обнаружил там обреза. И его упер, гаденыш!

Ухватив валявшийся под лавкой топор, я выскочил из саней и бросился в поле. Вот только вольготно чувствовавший себя на открытом пространстве ветер подчистую вымел снег, и лишь у редких кустов возвышались небольшие сугробы. Не уйти…

Услыхав за спиной хруст наста под копытами, я обернулся и попытался перевести сбившееся от бега дыхание. Один из верховых промчался мимо брошенных саней вслед за Яковом, двое других медленно приближались ко мне.

Не оставят свидетеля?! Никому ж…

Руки и ноги обмякли, поджилки тряслись, но, закусив губу, я еще надеялся на чудо. Ведь не может же все закончиться вот так – посреди этого Богом забытого поля. А жена, а дочь? Они-то как?..

Оскалившийся в жуткой ухмылке бородач замахнулся саблей и направил лошадь прямо на меня. Уж не знаю, на что он рассчитывал: то ли зарубить, то ли стоптать, но в последний момент я успел рвануться в сторону и увернуться от копыт. Едва не падая, размахнулся топором и впечатал обух чуть выше колена взвывшего от боли всадника.

За спиной громыхнул выстрел, что-то ударило в спину, сбило с ног. Больно не было – будто под наркозом, – но моментально ставшее ватным тело охватила странная слабость. Через силу я попытался подняться, нашарил оброненный топор…

Гул клинка, удар, тьма…

Да – тьма! Тьма распахнула гостеприимные объятья, укутала своим непроницаемо-черным плащом, прогнала прочь боль и страх. И лишь холод оказался ей неподвластен. Стужа впилась своими зазубренными лезвиями в душу, заморозила все, до чего смогла дотянуться, и в конце концов именно ее жгучие ласки вырвали меня из едва не перешедшего в вечный сон оцепенения.

Но и тьма никуда не делась. Еще ничего не соображая, я уперся руками в снег, кое-как поднялся на колени и лишь потом догадался сдвинуть с глаз, видимо, и спасшую мне жизнь ушанку. Светлее стало ненамного, но теперь, по крайней мере, удалось разглядеть затянутое тяжелыми тучами небо и заснеженное поле.

Живой!

Невольно улыбнувшись, я попытался стянуть варежки, но обмороженные пальцы едва шевелились, а правая ладонь, сжавшая мертвой хваткой топорище, и вовсе не желала выпускать оружие. Неужели пальцы придется ампутировать? Хреново…

Плюнув, я ощупал свободной рукой ушанку и нашарил длинный разрез; потом попытался завести руку за спину, куда угодила выпущенная из охотничьего ружья пуля. Вот только онемевшее от длительного лежания в сугробе тело слушалось плохо, и ничего толком о серьезности ранений выяснить не удалось. Ерунда, главное, что живой.

Кое-как выбравшись на укатанную полозьями саней дорогу, я поплелся к лесочку, в который умчался стервец Яков. Честно говоря, его судьба интересовала меня меньше всего – остался живым, точно глотку вырву! – но не тащиться же к селу напрямик по заснеженному полю? И так сил нет…

Ноги сами несли меня по дороге, и от одуряющей монотонности ломаных движений вновь начало затягивать в липкую яму забытья. Пытаясь хоть как-то сохранить ясность сознания, я принялся считать шаги и невольно пожалел, что совершенно не чувствую боли.

Хотя, с другой стороны, – может, оно и к лучшему? Это сейчас промороженное тело потеряло чувствительность, но когда немного отойду, кто знает – смогу ли сделать хотя бы шаг? Нет, надо спешить. Пока еще не истаяли последние крупинки сил и самообладания.

Шаг. Второй. Третий…

Темное пятно на дороге я приметил на триста сорок восьмом шаге. Раскинувший руки человек лежал на спине, снег вокруг был густо забрызган черными брызгами крови. Остановился рядом, посмотрел на изуродованное лицо Якова с запорошенными снежком пустыми глазницами.

Не пошло ему впрок предательство, значит. Не убег. А вдвоем, кто знает, могли бы и отбиться…

И тут только я понял, что на самом деле подняло меня из сугроба и привело сюда. Ненависть. Жуткое желание загнать этого подонка в угол и голыми руками вырвать глотку. Или хотя бы рубить, рубить, пока…

Опустив непроизвольно приподнятый топор, я отступил на шаг назад и потряс головой, прогоняя наваждение. Нет! Хватит! Надо возвращаться домой, надо…

В глазах начало темнеть, и будто пьяный я почти вслепую побрел по дороге. Сознание померкло, и дальнейшее вспоминалось какими-то рваными кусками.

Появляющиеся из темноты ветви деревьев, серая пелена ночного неба, легкая поземка, заметающая черные точки капель крови на раскатанной дороге, темнота…

В какой-то момент поземка окружила со всех сторон, а когда в глазах вновь прояснилось, оказалось, что я умудрился свернуть с дороги и теперь брел по запорошенной снегом тропинке.

Куда это меня занесло?

Но ни сил, ни желания поворачивать назад уже не было. Словно безвольная механическая кукла я переставлял ноги, надеясь, что вот-вот за очередным поворотом окажется какой-нибудь хутор. И пусть придется потрудиться, убеждая хозяев пустить на ночлег израненного путника, но мне многого не надо – отогреться бы, да перевязать раны. И поспать. Поспать в тепле – лучше прямо у очага.

Холодно…

Но тропинка тянулась среди высокого кустарника и тянулась. Сил давно не осталось, и хотелось только одного – плюнуть на все и завалиться на снег. И лишь нестерпимый холод гнал вперед; да какой-то тихий, но жутко назойливый голосок в голове твердил, что конец пути уже близок. Что следы на заметенной снегом тропинке становятся все отчетливей. И иногда среди них нет-нет, да и мелькают черные пятнышки крови.

Крови?.. При чем тут кровь?

Хриплый лай цепного пса прогнал уже почти было ухваченную мной догадку, и, забыв про все на свете, я рванулся вперед.

Хутора за поворотом не оказалось. Над покосившимся забором торчала одинокая соломенная крыша невысокого домика. Надворные постройки порядком обветшали, снег почти полностью замел хлипкие, скособоченные сарайки, но дом точно не был заброшенным – из печной трубы шел дым. А значит, там должны быть люди. И уж точно – вытопленная печь. А мне сейчас

ничего другого и не надо…

Вот только добраться до жилья оказалось непросто – меня встретила упругая пелена, облепила мокрой простыней, отодвинула прочь. Сразу захотелось убраться отсюда подобру-поздорову, но холод оказался сильнее. Он заставил стиснуть зубы и шагнуть вперед. А потом еще. И еще…

Кобель во дворе, не переставая, заходился хриплым лаем и, когда я протиснулся в щель между створками не до конца закрытых ворот, бросился ко мне. К счастью, цепь оказалась слишком короткой, и едва не удавивший себя сторожевой пес нехотя подался назад.

– Кто там еще? – В доме со скрипом распахнулась провисшая на одной петле дверь. Ухватившийся за косяк бородатый мужик в накинутой поверх рубахи фуфайке с непривычки к темноте сощурился, оглядел двор, но не заметил меня и прикрикнул на собаку: – Трезор, чего разбрехался?..

Я попытался выдавить из себя хоть слово, но лишь невнятно захрипел. Насторожившийся хозяин обнажил длинный тесак и, сильно хромая, спустился с крыльца. Меня бородач пока разглядеть не смог, а вот сам был как на ладони. Перед глазами вновь промелькнуло оскаленное в крике лицо нагнавшего сани бандита и, резко подавшись вперед, я занес над головой перехваченный двумя руками топор. Прежде чем мужик успел хоть как-то среагировать, тяжелое лезвие врезалось ему в левую ключицу, рассекло фуфайку и перебило кость. Даже не ахнув, вцепившийся в топорище бандит замертво повалился на снег.

Едва удержавшись на ногах, я рванул топор на себя, но деревянная рукоять вдруг выскочила из онемевших рук. И попытка высвободить оружие из тела успехом не увенчалась: лезвие засело слишком глубоко, а разжать вцепившиеся в топорище пальцы мертвеца оказалось слишком сложной задачей. Да моими культями сейчас за топор не больно-то и ухватишься…

Решив не терять понапрасну время, я подошел к приоткрытой двери и прислушался. Слышен был только надсадный хрип цепного пса.

Бежать отсюда надо. Бежать, пока бандиты не всполошились. Добраться до села, собрать мужиков и выжечь эту заразу.

Вот только уходить не хотелось. После короткой схватки по замерзшему телу будто разошлась застоявшаяся кровь, и даже обмороженные пальцы начали худо-бедно шевелиться. Не может здесь много бандитов обитать. Четыре-пять человек максимум.

Но мне, безоружному да побитому, и одного головореза хватит.

Так что – уходить в село?

Не выйдет. Труп подельника они вот-вот обнаружат, а мне точно не убежать. Догонят, навалятся всем скопом и на куски порежут.

Нет – надо воспользоваться подвернувшимся шансом. Надо…

Голова вновь закружилась, мысли пустились в хоровод, и, толком не понимая, что именно толкает меня вперед, я проскользнул в дом и огляделся.

К моему глубочайшему сожалению в прихожей никакого оружия не оказалось. Немного поколебавшись, я выбрал ту дверь, в щель из-под которой не выбивались неяркие отблески горевших в комнате светильников.

Оставляя по полу снежные следы, прошел через комнату, остановился, удивляясь собственному бесстрашию, и легонько толкнулся внутрь. Незапертая дверь со скрипом распахнулась; стараясь не шуметь, я проскочил в темное помещение и сразу же замер, заслышав чье-то тяжелое и неровное дыхание.

Непроглядная темень в комнате, окна которой оказались наглухо закрытыми ставнями, неохотно растеклась по скудной обстановке серыми волнами, и мне удалось различить лежавшего на панцирной кровати человека. Укрывавшее его одеяло сбилось, и в темноте белела полоса заматывавших грудь бинтов.

Словно потеряв контроль над собственным телом, я отрешенно наблюдал, как моя левая рука зажала рот моментально очнувшегося раненого, а правая изо всех сил стиснула горло. Бандит замычал, попытался высвободиться, но было уже поздно – хрустнула гортань, и еще какое-то время судорожно дергавшийся человек обмяк.

Черт, черт, черт! Что ж я натворил?

Да ладно, туда ему и дорога… Одним меньше.

Спокойная, будто бы и не мне вовсе принадлежавшая мысль подтолкнула к выходу, и я подкрался ко второй двери. К сожалению, нечего было и надеяться застать остальных бандитов врасплох – в коридор выбивалась тоненькая полоска света, да и разговор в комнате шел на повышенных тонах. Жаль только, слов разобрать никак не получалось.

Опасаясь привлечь к себе внимание, я тем не менее легонько надавил на дверь и заглянул в образовавшуюся щелочку.

– Гоша где? – раздраженно потеребил мочку уха мужчина средних лет, сидевший на лавке рядом с открытой печуркой. Так вот и не скажешь, что бандит. Никакой печати порока на лице. Наоборот, очень даже солидно выглядит: широкий лоб, глубокие залысины на висках, светлые волосы коротко подстрижены. Худой только…

– Пошел пса успокоить. – Невысокий парень в ветровке

поднялся со скособоченного стула и сунул в печь полено. Этот на бандита как раз весьма и весьма походил. Крепкого сложения, со сломанным носом и плохо зажившим шрамом под левым глазом. На поясе в кожаных ножнах – длинный охотничий нож.

– Так чего эта зверюга до сих пор заливается? – нахмурился пожилой и достал из кармана жилетки золотой портсигар. – Сходи, проверь.

– Да ладно, Штоц, чего еще? – поежился парень. – Сейчас Гоша придет уже…

– Иди. – Названный Штоцем бандит подкинул в печь еще одно полено. – И ружье возьми…

– Черт с тобой! – Прихватив с накрытого прожженной клеенкой стола двустволку, парень направился к выходу.

Нисколько не волнуясь, я дождался, пока он подойдет к двери, и со всего маху толкнул ее навстречу бугаю. Уголок полотна угодил не успевшему среагировать бандиту прямо посреди лба, и парень как подкошенный рухнул на пол.

Запрыгнув в комнату, я рванулся к пожилому, но тот мигом соскочил со стула и вскинул руку. В тусклом свете мелькнуло черное дуло пистолета, громыхнул выстрел, и тут же что-то садануло меня в грудь.

Почувствовав тупой удар, я невольно замешкался, и этим воспользовался сбитый с ног парень. Опершись о пол лопатками, он будто пружина распрямился и приложился ботинками мне чуть выше поясницы. Обстановка комнаты мелькнула перед глазами, а в следующее мгновение я врезался головой в печь.

– Гаси его! – заорал пытавшийся передернуть затвор заклинившего ТТ пожилой, и парень подхватил с пола ружье.

Не теряя времени, я ухватил Штоца за ногу и рванул на себя. Он неловко взмахнул руками, повалился назад и, со всего маху приложившись затылком об угол столешницы, рухнул на пол. Выстреливший дуплетом бандит то ли слишком поторопился, то ли побоялся зацепить главаря, но обе пули прошли выше и впустую вышибли из печи кирпичную крошку.

Заорав что-то матерное, крепыш навалился сверху и выхваченным из ножен охотничьим ножом полоснул меня по шее. Попытка сбросить его на пол оказалась неудачной – бандит придавил мое правое запястье к полу и принялся орудовать клинком. Чувствуя, как меркнет сознание, я свободной рукой выхватил из печи полыхавшее полено и шибанул им бандита по щеке.

Взвыв от боли, тот откатился прочь, но больше ничего сделать не успел – второй удар поленом пришелся по глазам. Кое-как стиснув рукоять отлетевшего к столу ножа, я ткнул парня в

горло. Потом переполз ко все еще валявшемуся без сознания главарю и загнал ему меж ребер клинок.

Голова кружилась, от левой руки шел одуряющий запах горелой плоти, но, не чувствуя боли, я заполз на скособоченный стул. Все произошедшее просто не укладывалось в голове.

Сколько раз меня сегодня пытались убить? И сколько человек убил сегодня я сам?

Как такое вообще могло случиться? Словно в дурном сне очутился. И ведь совершенно спокоен сейчас. Такое впечатление – даже пульс не участился. Будто раньше только тем и занимался, что людям глотки резал. Пусть бандитам, но…

И ведь еще непонятно, насколько серьезно меня ранили.

Поразившись неожиданно пришедшей в голову мысли, я поднес к лицу левую ладонь и уставился на прогоревшую варежку. В нескольких местах сквозь обуглившуюся шерсть виднелась обгоревшая кожа, но боли не было. Боли не было!

Не чувствуя под собой ног, я поднялся со стула и подошел к висевшему в углу зеркалу. В неровных отблесках масляного светильника из-за толстого слоя пыли не сразу удалось разглядеть свое отражение, а когда удалось…

На щеке глубокий порез; шея рассечена; чуть ниже левой ключицы опаленная отметина пулевого отверстия. И нигде – ни капли крови.

Не желая верить глазам, с трудом стянул с головы ушанку и слепо уставился на раскроенный ударом сабельного клинка череп.

И что это значит? Я – мертвец? Живой труп?

Живой – ха! Нет, по всему выходит – мертвее не бывает.

Рухнув обратно на стул, я попытался собрать мысли в кучу и с трудом отогнал подступившее безумие. Желание голыми руками разорвать тела бандитов на куски дурманило мозги, но постепенно удалось взять в себя в руки.

Я – мертв и с этим ничего не поделаешь. Можно кидаться на стены, плакать, выть, но… Но это ничего уже не изменит. Уж не знаю, откуда взялась такая уверенность, только вдруг почудилось, будто время буквально утекает сквозь пальцы. Еще немного – и мою душу окончательно поглотит сущность ледяного ходока.

И что делать?

Как без меня будут жена и дочь? Кто позаботится о них?

Едва удержавшись, чтобы не вскочить со стула и не броситься из дома, я вцепился в край столешницы и заставил себя остаться на месте.

А какие варианты? Собрать с трупов деньги и передать им? Но смогу ли я так долго удерживать под контролем свою новую

сущность? Не сорвусь ли в самый неподходящий момент?

В памяти всплыли страшные истории о возвратившихся мертвыми родичах, которые губили свои семьи, и, совершенно отчетливо понимая, что иного выхода нет, я смахнул со стола пузатую лампу. Стекло разлетелось вдребезги, масло залило пол. Тут же полыхнуло чадившее до того полено, огонь побежал по занавескам и сбившемуся с кровати одеялу.

Вскоре вся комната оказалась объята пламенем. Неожиданно для себя успокоившись, я задавил последние крохи сомнений, закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Все, чему быть, того не миновать.

И хоть напоследок – немного тепла.

Прощайте… и не поминайте лихом!